

С. Н. Романенко

**К ИСТОРИИ ФОРМ ИМЕНТЕЛЬНОГО И ВИНТЕЛЬНОГО
(РАВНОГО ИМЕНТЕЛЬНОМУ) ПАДЕЖЕЙ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА
ИМЕННОГО СКЛОНЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПСКОВСКИХ МОНАСТЫРСКИХ КНИГ XVII В.)**

Псковский государственный университет, 180000, Российская Федерация, Псков, пл. Ленина, 2

В статье на материале псковских монастырских хозяйственных книг XVII в. рассмотрены формы именительного и винительного падежей множественного числа. Выявлено, что в исследуемый период в псковских памятниках продолжается отмеченное в памятниках XVI в. противостояние в И.п. мн. ч. форм на **-а** от имен ср. р., с одной стороны, и форм на **-и/-ы** от имен м. р. и ж. р. — с другой. В формах И.п. мн. ч. существительных м. р. последовательно сохраняется флексия **-и/-ы**. У имен, которые в современном языке употребляются с окончанием **-а** (*года, жемчуга, края, пояса, шелка*), таких форм еще не наблюдается. У имен ж. р. зафиксированы формы только с **-и**, форм на **-а**, распространенных в современных псковских говорах, не отмечено. Библиогр. 33 назв.

Ключевые слова: именительный падеж множественного числа, винительный падеж множественного числа, псковские монастырские хозяйственные книги.

**HISTORY OF NOUN FORMS IN THE NOMINATIVE AND
ACCUSATIVE PLURAL OF NOMINAL DECLENSION
(FROM THE 17th CENTURY HOUSE-BOOKS OF THE PSKOV-CAVES DORMITION MONASTERY)**

S. N. Romanenko

Pskov State University, 2, Lenina sq., Pskov, 180000, Russian Federation

The article deals with the forms the nominative and accusative plural forms from the Pskov monastery house-books of the 17th century. The research has demonstrated that in the Pskov records of the period in question the opposition of nominative plural with **-a** from nouns of neuter gender on the one hand, and forms with **-и/-ы** from nouns masculine and feminine, on the other hand mentioned in the Pskov records continues. The inflexions **-и/-ы** sequentially remains in the forms of nominative plural masculine. Such forms are not yet observed in nouns which are used with inflexion **-а** in the modern language (*года, жемчуга, края, пояса, шелка*). Only forms with **-и** are recorded with the feminine nouns, forms with **-а** common in modern Pskov dialects are not observed. Refs 33.

Keywords: nominative plural, accusative plural, Pskov monastery house-books.

1. Из истории изучения форм

Изучению форм именительного и винительного падежей множественного числа посвящены работы лингвистов прошлого и настоящего [1–8 и др.].

И.п. мн. ч. в древнерусском языке был представлен разнообразными флексиями: **-и** (м. р. на **ǫ*; ж. р. на **ī*, **er*, **ī*); **-а** (ср. р. на **ǫ*; **en*, **ent*, **es*); **-ы** (ж. р. на **ā* твердой основы); **-ю** (ж. р. на **ā* мягкой основы); **-ове** (м. р. на **ī*); **-ие** (м. р. на **ī*); **-е** (м. р. на **en*, с суффиксами *-тел'*, *-анин-*, *-ар'*, которые во мн. ч. изменялись по основам на согласный). Количество и состав окончаний И.п. мн. ч. изменяется в процессе взаимодействия типов склонения и членов парадигм внутри одного типа (в ед. ч. и мн. ч.). Один из процессов, происходивших в И.п. мн. ч., связан с влиянием В.п. на И.п. Многие лингвисты [9, с. 193; 10, с. 226; 11, с. 1; 12 и др.] считали, что этому влиянию способствовали одинаковые флексии И.п. и В.п. 1) всех чисел у существительных ср. р.; 2) ед. ч. у существительных м. р. основ на **ī*, **ǫ*, **ī*; 3) дв. ч. у всех имен

ж. р. и м. р.; 4) мн. ч. основ на **ā* и **i* ж. р.; 5) начавшееся еще в доисторическую эпоху употребление формы В. п. ед. ч. основ на **i* и на согласный м. р. и ж. р. вместо И. п. ед. ч.

Особенно много изменений происходит у **имен м. р.** 1) разных парадигм (на пример, на **ō* и на **ī*) и 2) одной парадигмы (процессы взаимовлияния И. п. и В. п.).

Взаимовлияние основ на **ō* и на **ī* привело к распространению неисконных флексий **-ове** и **-и** (*попове* вместо *попи*, *сыни* вместо *сынове*)¹. С. И. Иорданиди отмечает, что язык памятников XI–XIV вв. свидетельствует о широком распространении флексии **-ове** в юго-западных говорах, а в новгородских грамотах такие формы отсутствовали [8, с. 79]. Влияние основ на *-ан(е)*, *-тел'*, *-ар'* и основ на **jō* (через основу на **i*) проявилось в распространении флексии **-и** в И. п. мн. ч. (*горожани*, *родители*). Однако у форм на *-ан(е)* окончание **-и** оставалось вариантным к основной флексии **-е**², а в образованиях на *-ар-*, *-тел-* исконная флексия **-е** оказалась вариантной [8, с. 112].

Взаимовлияние И. п. и В. п. шло в двух направлениях.

1. Вытеснение формы И. п. мн. ч. м. р. формой В. п. мн. ч. происходило в именах неодушевленных (в именах одушевленных это вытеснение происходит позднее). «В течение исторической жизни русского языка, — отмечает С. П. Обнорский, — произошло общее вытеснение во мн. числе окончаний именительного падежа окончаниями винительного падежа» [11, с. 1]. Примеры употребления В. п. вместо И. п. в памятниках севернорусского происхождения фиксирует А. И. Соболевский с XIII в. [9, с. 194]. Древняя форма И. п. мн. ч., не совпадающая с В. п. мн. ч., дольше сохранялась у имен одушевленных, которые «благодаря различию от неодушевленных в форме винительного единственного обособились еще более вследствие возникшего между ними и неодушевленными различия в форме именительного множественного» [10, с. 226–227].

2. Вытеснение формы В. п. мн. ч. формой И. п. мн. ч. связано с именами одушевленными. А. А. Шахматов приводит формы И. п. мн. ч. в значении В. п. мн. ч. в древнем и современном языках: *въ холоти*; *на холоты* и *на конюси свое*; *видѣхъ* и *звѣри* и *гади* [10, с. 230]. Подобные формы фиксирует А. И. Соболевский с XIII в.: *сѣзъвавъ князи* и *люди*; *три епископы старци* *привлекъ*. Автор отмечает примеры неодушевленных имен: *идѣмъ въ ближняя вѣси* и *гради*, *держаще ножи* и *меци* [9, с. 195]³.

¹ Г. И. Демидова отмечает широту форм И. п. мн. ч. на **-ове** и предполагает, что флексия **-ове** «стремится быть грамматическим различителем одушевленности и неодушевленности», так как формы на **-ове** более были свойственны именам одушевленным [4, с. 148–149]. Заметим, что в польском языке это особенно закрепилось (ср. *panowie*).

² Г. И. Демидова, анализируя многочисленные памятники восточнославянской письменности, говорит о пестроте флексий у имен на *-ин*, *-анин*, *-янин* (кроме основной формы с **-е**, обнаружено еще восемь форм — с флексиями **-я**, **-а**, **-ове**, **-овя**, **-овья**, **-ова**, **-и**, **-ы**), что свидетельствует о незавершенности процесса становления этих имен во мн. ч. в XI–XVII вв. во всех восточнославянских языках [5, с. 143].

³ В современных псковских говорах (в Гдовском и Печорском районах) зафиксирована форма В. п. мн. ч., совпадающая с формой И. п. мн. ч. в роли прямого дополнения от названий животных, птиц, рыб: *ён там волки видафшы*; *мы и судаки ловили*, и *шишуки*; *окуни лавили*; *нада козы кормить*; *нада кони поить*; *ён и кунцы ловит* [13, с. 180, 278].

Кроме влияния падежей друг на друга шло влияние мягкого и твердого вариантов основы на **ǫ*, что проявилось в распространении флексии *-ŋ* в твердом варианте (типа *плодъ* вместо *плоды*)⁴, *-и* в мягком варианте (*князи* вместо *князь* в В. п.).

Особого внимания заслуживает происхождение форм И. п.–В. п. мн. ч. на *-а* у имен мужского рода.

Одним из факторов, с которым А. И. Соболевский связывал этот процесс, был тот, что формы И. п. ед. ч. некоторых собирательных имен ж. р. типа *господа, сторожа, латина; братья, зятья, друзья* «получили значение форм множеств. числа». Эти новые формы вызвали образование целого ряда новых форм И. п.–В. п. мн. ч. с твердой и мягкой основами (в том числе и с *ј*): *городá, таганá, льсá, погребá, домá, гробá; стúлья, мужевья, дядевья* и др. [9, с. 221]. И. В. Ягич, Л. А. Булаховский предполагали, что появление форм И. п.–В. п. мн. ч. на *-а* объяснялось влиянием имен ср. р. [2; 15]. С. П. Обнорский, допуская возможность такого влияния, говорит о неясности его причин, приводя факты южнорусских говоров, в которых имена, утрачивающие средний род, совпадают не с м. р., а с ж. р. [11, с. 3]. Многие лингвисты [6, с. 265; 9, с. 218; 10, с. 285–286, 330; 16, с. 114] считали, что форма И. п.–В. п. дв. ч. (типа *шагá*) приобрела значение множественного числа в сочетаниях с числительным *два*, затем форма на *-а* выделяется как форма И. п. мн. ч. На следующем этапе в словах с подвижным ударением в сочетаниях с числительным *два* ударение перемещается на основу (*два шагá* вместо *два шагá*), и эта форма стала осознаваться как Р. п. ед. ч. Отдельно происходило, по мнению А. А. Шахматова, развитие форм на *-а* у имен, обозначающих парные предметы (типа *рогá*).

В. М. Марков, рассматривая существующие гипотезы о происхождении И. п.–В. п., считает, что необходимо учитывать характер ударения в формах дв. ч. Опираясь на мнение Л. А. Булаховского (ударение И. п.–В. п. дв. ч. у имен на **ǫ* с подвижным ударением падало не на окончание, а на основу), В. М. Марков важную роль в этом процессе отводит именам ж. р. с основой на **ǭ*, т. е. изменениям в области ударения этих имен, «связанным с акцентным противопоставлением форм единственного и множественного числа»: «при наличии в единственном числе ударения на флексии в формах множественного (прежде всего в именительном и винительном падежах) ударение перетягивалось на основу в процессе акцентного влияния всех форм парадигмы» [12, с. 121, 123]. Акцентное выравнивание форм мн. ч. и «обобщение ударенного гласного» у имен ж. р. привели к аналогичным процессам у имен м. р. Противопоставление в ж. р. типа *гóловы* (И. п. мн. ч.) — *головáм* (Д. п. мн. ч.), *мáтери* (И. п. мн. ч.) — *матеря́м* (Д. п. мн. ч.) разрешалось путем возникновения форм И. п. мн. ч. *головá, матеря́* с ударным окончанием *-á*. По мнению ученого, противопоставление во мн. ч. форм типа *гóроды* (И. п. мн. ч.) — *городáм* (Д. п. мн. ч.), *óстрова* (И. п. мн. ч.) — *островáм* (Д. п. мн. ч.) тоже могло привести к образованиям типа *городá, островá* [12, с. 128].

Таким образом, система флексий И. п.–В. п. мн. ч. претерпела большие изменения.

⁴ С. И. Иорданиди, В. Б. Крысько [8, с. 127–128], А. А. Зализняк [14, с. 110–111] вслед за А. И. Соболевским выделяют своеобразие новгородского диалекта, которое проявляется в форме И. п.–В. п. мн. ч. на *-ŋ* слов м. р. твердого варианта основ на **ǫ* (типа *золотъникъ, колотокъ*). А. А. Зализняк, фиксируя примеры из грамот XIII в., отмечает, что «в ряде грамот из-за смешения *ŋ* и *и* различить <и> и <-ŋ> невозможно».

В псковских текстах XVI в. в И.п.–В.п. мн. ч. выявлены следующие формы: 1) в летописных текстах противопоставлены формы ср. р. с *-а*, с одной стороны, и м. р., ж. р. с *-ы/-и* — с другой; в именах м. р. отмечено многообразие флексий (кроме *-ы/-и*, были зафиксированы флексии *-е/-ть*, *-ове*⁵, *-ови*; отсутствие форм на *-а*); 2) в конфессиональных текстах сохраняется старая флексия основ на **ǫ* (*вълци, крузи, разбойници*), у названий лиц встречается *-ове* (*врачеве*); 3) в повествовательных текстах противопоставлены формы м. р. и ж. р. с *-ы/-и*, с одной стороны, и ср. р. с *-а* — с другой, как и в летописных; в ср. р. окончание *-ы/-и* отмечено только в В.п. В м. р. частотны формы типа *агаряне, мужие, угрове* [18, 19].

Обратимся к формам И.п.–В.п. мн. ч. в псковских монастырских книгах XVII в.

2. Формы И.п.–В.п. мн. ч. в псковских монастырских книгах XVII в.

2.1. Формы именительного-винительного падежей от имен ср. р.

В исследуемых памятниках отмечены 23 лексемы ср. р. в И.п.–В.п. мн. ч. Из них 21 (*блюда, блюдца, веретеища, дела, кадила, копя, места, небеса, оглавья, оплечья, плеча, правила, поля, поникадила, села, семена, слова, сукна, угодня, яблочка, ядра*) употреблены с исконным окончанием *-а*:

Сосуды служебные потир и блюда оловянные [20, л. 198]; *блюдца оловянные* [21, л. 272об.]; *кѣплено на торгу веретеища в сѣшило* (1674/75: л. 58об.); *в бол(ь)шой казнѣ сундукъ а в немъ всякие м(о)н(а)ст(ы)рьские крѣпостѣные дѣла* [20, л. 170]; *пересмотрели и переписали і сукна и кадила і поникадила* [22, л. 2об.]; *тѣ копя* поставлены по городу [22, л. 12]; *отдать все необрочные мѣста* [20, л. 4об.]; *оглавья* подписи у встѣх св(я)тых жемчужные [20, л. 94об.]; *оплечя* на нихъ розные [20, л. 149об.]; *на горѣ два верхи ц(е)рк(о)вные главы и кр(е)сты обиты мѣдью золоченою а плеча по тесу обиты желѣзом* [20, л. 14об.]; *поля того образа и венець серебряные чеканные* [21, л. 21об.]; *книга Никонские правила писменная в дѣсть* [20, л. 175]; *отдать все в вотчинах села и д(е)р(е)вни* [20, л. 4]; *давали кр(е)стьяном из м(о)н(а)ст(ы)рьских житницъ на семена хлѣбъ гѣчень и овесъ* [23, л. 23]; *слова серебряные жѣ золочены* [22, л. 101]; *пересмотрели и переписали всякие м(о)н(а)ст(ы)рьские ѹгодя* [22, л. 3]; *резные рукояти деревяные обложены серебром навожены чернью яблочка золочены* [20, л. 18].

У лексемы *плечо* флексия *-а* в И.п. мн. ч. является исконной и употреблялась наряду с формой на *-и* (форма И.п.–В.п. дв. ч. мягкого варианта) до XIX в., хотя больше как архаизм в поэтической речи (иногда в прозе). Форма *плечи* И.п.–В.п. дв. ч. утверждается как норма И.п.–В.п. мн. ч. по аналогии с *очи* и *уши*, которые, как и лексема *плечи*, всегда обозначают парные предметы [1, с. 205; 16, с. 98].

В Приходо-расходной книге 1674/75 гг. отмечены формы *яблоки* (один раз) и *яблока* (7 раз): *он продал на островѣ в м(о)н(а)ст(ы)рьских садах ꙗблоки печерскомѣ посацкому жил(ь)цу* [23, л. 4об.] — *он продал своего садѣ ꙗблока и вишен(ь)я слѣт(ь)я прошлаго* [23, л. 2об.]; *онѣ продали своего саду ꙗблока печерскомѣ жильцу* (3). Прокомментируем эти формы.

⁵ С. И. Иорданиди [8, с. 83], опираясь на данные Н. М. Каринского [17, с. 191], говорит об обилии форм на *-ове* в псковских церковно-книжных памятниках XIV–XV вв.: *пирове, бесовѣ, грѣховѣ*.

Во-первых, в русском языке выделяется группа существительных, у которых в говорах наблюдаются колебания в роде, например: форма И. п. *яблок* м. р. и *яблоко* ср. р. [16, с. 92]. В исследуемых памятниках мы отмечаем употребление лексем с колебаниями в роде, например: *патрахиль* м. р. и ж. р., *наделок* и *наделка*. Причем колебания в роде отмечаются на одной странице, даже в одной записи. Поэтому можно предположить подобное колебание в роде у *яблок* — *яблоко*, а следовательно, и формы И. п. мн. ч. получают закономерными. Ф. И. Буслаев выделяет группу существительных ср. р. на *-ко* типа *лыко*, *плечико*, *личико*, *окошко*, *очко*, которая в И. п.–В. п. мн. ч. берет окончание форм м. р. *-и* (это даже проявляется и с флексией *-ов* в Р. п. мн. ч., например в говорах *яблоков*) [3, с. 222–223; 11, с. 110]. А. А. Шахматов отмечает, что «общим для всей великорусской области явлением оказывается замена неудачного окончания именительного-винительного множественного среднего рода *-а* через *-ы*, заимствованное из слов мужского рода» [10, с. 355].

Во-вторых, в сочетании с глаголом *продать* форма *яблока* может быть формой Р. п. ед. ч. со значением части, неполного количества, тем более это подтверждается контекстом *купить яблока и вишенья*, где *вишенья* — форма Р. п. ед. ч. от *вишенье* ср. р., собирательного к *вишня* [24, с. 35].

Форма И. п. мн. ч. *ушии* с флексией *-и* — исконная форма И. п.–В. п. дв. ч., так как предполагают, что это существительное в дв. ч. входило в склонение на **i* и относилось к ж. р. **ушь*, а в ед. ч. и мн. ч. склонялось по основе на **es* (например, форма Р. п. ед. ч. *ушесе*) [1, с. 205; 25, с. 109].

2.2. Формы именительного падежа от имен м. р.

В исследуемых памятниках отмечены:

- в И. п. мн. ч. 109 неодушевленных имен м. р., из них только одно (*колокола*)⁶ употреблено с флексией *-а*⁷, все остальные имеют флексии *-и*, *-ы* (*бархаты*, *бои*, *венцы*, *взмазни*, *возы*, *годы*, *гужи*, *дворы*, *достаканы*, *дощаны*, *жорны*⁸, *заводы*, *запасы*, *затворы*, *изумруды*, *ирмолои*, *камени*, *калачи*, *ковши*, *котлы*, *краи*, *кресты*, *лемешы*, *ломы*, *монастыри*, *месяцы*⁹, *налепы*, *образы*, *огороды*, *огурцы*, *оклады*, *онбары*, *отласы*, *охтаи*, *пансыри*, *платы*, *плащи*, *погребы*, *покосы*, *покровы*, *покровцы*, *поясы*, *приклады*, *противни*, *пуды*, *росходы*, *руб-ли*, *рукомои*, *сады*, *сосуды*, *стихари*, *столбцы*, *суды*, *тропари*, *узлы*, *улары*, *фотисы*, *хрустали*, *холсты*, *часы*, *червцы*, *чюмичы*, *шатры*, *шоломы*, *юмишаны*, *яхонты* и др.);
- в И. п. мн. ч. 36 одушевленных существительных м. р. с флексиями *-и*, *-и/-ы*, *-а* (*бобыли*, *бочеры*, *воры*, *жильцы*, *евангелисты*, *князи*, *кузнецы*, *лебеди*, *ловцы*,

⁶ Подробнее о форме *колокола* см. [26, с. 98].

⁷ В. М. Марков, опираясь на свидетельства текстов XV–XVII вв., писал: «...на Северо-Западе Руси и в пределах новгородской колонизации процесс распространения образований на *-а* проходил, по-видимому, несколько активнее, нежели в говорах, формирующих говор Москвы» [12, с. 119].

П. Я. Черных утверждает, что «в языке Москвы в середине XVII в. слово *льса* является едва ли не единственным словом мужского рода с окончанием *-а* в именительном и винительном падеже множественного числа» [27, с. 266].

⁸ В словаре В. И. Даля есть лексема *жерновъ* ‘мельничный камень’, и как варианты с пометой *пск.* он приводит *жернь* и *жорнь*; формы мн. ч. *жерновá* и *жёрны* [28, т. I, с. 535]. Т. А. Иванова отмечает в памятниках XVI–XVII вв. параллельное употребление формы *жернова* и *жерновы* [7, с. 431].

⁹ Т. А. Иванова отмечает в списках Стоглава XVII вв. форму *месяца* [7, с. 433].

муковозы, отцы, повары, псковичи, сторожи¹⁰, стрельцы, телеши, тресвятели, чудотворцы).

Приведем примеры неодушевленных имен м. р. в И. п. мн. ч. с флексиями **-и, -ы**:

из башни сверху за город под кровлю **бои** [22, л. 4об.]; **венцы** солоты [21, л. 14]; **кѡплено свѣжие рыбы два возы** [23, л. 73]; **дворы ихъ пожжены** [22, л. 283об.]; **доста-каны** зеленые и лазоревые [20, л. 43об.]; **четыре доцаны** малых [21, л. 207]; **обложены затворы** басмами [22, л. 297об.]; **кѡплены калачи** [23, л. 78об.]; **всѣ ковши** и чарки в середине позолочены [23, л. 17]; **ковшѣ серебрян глаткою краи** попортились [20, л. 123]; **да лемешы** с присохома [20, л. 211об.]; **два ломы** желѣзных [22, л. 195]; **плащи** навожены финифтомъ [21, л. 14]; **на дворе под полатою погребы** [20, л. 199об.]; **покровцы** обветчали [20, л. 109]; **попасы** понасъ бол(ѣ)шоу шитѣ золотом [22, л. 147]; **тѣ латы и пансыри і юмшаны и шоломы** и шапки свесены ко г(о)с(у)д(а)рю к Москвѣ [21, л. 12об.]; **у обѣих улары и стихари** гораздо ветчаны [20, л. 168] и др.

Примеры одушевленных имен м. р. И. п. мн. ч. с флексиями **-и, -ы**:

тот солотой отпрѣсали воры [21, л. 19об.]; **ружатѣ**¹¹ печерские посацкие и пачковские **жил(ѣ)цы** [20, л. 188об.]; **по сторонам бл(а)говѣрные кн(я)си** Всеволод і Домантѣ [22, л. 4об.]; **на исаде рыбные ловѣцы** [21, л. 323об.]; **муковозы** Исачко Иванов Гаврилка Иванов Моклоков [22, л. 231об.]; **начевали в кельи псковичи** з женами; **сторожи** ц(е)рковные [23, л. 109об.]; **московские чудотворцы** обложены серебром басменным [20, л. 42] и др.

Подробно формы И. п. мн. ч. существительных м. р. рассмотрены нами ранее [26, с. 93–94].

Основные выводы следующие.

1. Имена м. р. с древней основой на **ǫ* твердого варианта зафиксированы в И. п. мн. ч. с новой флексией **-ы** (из В. п.), вытеснившей исконную форму на **-и**.
2. Имена м. р. с древней основой на **ǫ* мягкого варианта (заканчивающиеся на мягкий согласный и на шипящие **ж, ш**, уже отвердевшие к XVII в.) отмечены с флексией, обозначенной буквой «и». Это соответствует исконной флексии **-и**.
3. Имена м. р. с древней основой на **ǫ* мягкого варианта с уже отвердевшей аффрикатой **ц** употреблены с флексией **-ы**.
4. Имена м. р. с древней основой на **ǫ*, которые заканчивались на заднеязычные [г'], [к'], [х'], в И. п. зафиксированы с флексией **-и**, появившейся в результате замены сочетаний [гы], [кы], [хы] на [г'и], [к'и], [х'и].
5. У слов *аггели, апостоли, архангели, серафими, херувими* отмечена исконная флексия **-и**, которая сохраняется, возможно, благодаря стилистической принадлежности текста к церковной сфере.
6. Флексия **-а** отмечена только у слов *колокола* и *крестьяна*. Лексема *крестьянин* в наших памятниках встречается ещё с флексиями **-е** и **-а**.

¹⁰ Т. А. Иванова в памятниках XVI–XVII вв. отмечает единичные употребления формы *сторожа*. Автор, ссылаясь на мнение А. И. Соболевского и С. П. Обнорского, пишет о том, что И. п. мн. ч. *сторожа* происходит от старого имени собирательного ж. р., которое приобрело значение множественности, перешло в категорию мн. ч. и вытеснило форму *сторожи* [7, с. 438].

¹¹ Значение лексемы *ружити* 'давать средства на что-л.; одаривать' [29, вып. 22, с. 237].

2.3. Формы именительного падежа от имен *pluralia tantum*

В хозяйственных монастырских книгах отмечаем в И. п. мн. ч. 19 существительных 1) **pluralia tantum** и 2) обычно употребляющихся во мн. ч. (*вески, ворота, голубечки, голубцы, дети, деяницы, двоенки, двойчатки, клеици*¹², *латы, люди, надолонки, одинки, ошвы, поручи, сани, святыцы, створцы, тарасы*¹³):

Вески тьдные бол(ь)шие бес чепеи [22, л. 176]; город каменной **ворота** и башни крыты тьсом с клабучки [20, л. 6]; **голѣбцы** серебряные невелики [22, л. 291]; проданы серьги **двоичатки** [23, л. 9]; дали Семен да Яков Ивановы **дѣти** Чихачова [20, л. 39]; *ть латы* и пансыри і юмшаны и шоломы свесены ко з(о)с(у)д(а)рю к Москвь [21, л. 12об.]; приходили литовские **люди** [21, л. 10]; на немъ ткани **люди** [20, л. 138]; поселились его ж дѣловые **люди** [22, л. 284об.], **поручи** на лазоревой камке низаны жемчужом середнимъ [20, л. 158об.]; по ручью Каменцу **тарасы** рубленные [20, л. 185]; **створцы** окладные бл(а)говѣщенные [22, л. 304].

2.4. Формы именительного-винительного падежей от имен женского рода

В исследуемых памятниках зафиксированы с флексией **-и/-ы**¹⁴:

- 96 неодушевленных имен ж. р. в И. п.–В. п. мн. ч.;
- 3 одушевленных существительных имен ж. р. в И. п. мн. ч.

У существительных *беседы, вошвы, вотчины, главы, грамоты, гривны, гривы, жены, избы, иконы, кабалы, ломпаты, нивы, пелены, попоны, просвиры, ризы, рипиды, рясы, травы, трубы, узды, цаты* флексия **-ы** — старая флексия, которая совпадала в И. п. и В. п.:

Книга апостол(ь)ские бѣседы печатная в дестъ [20, л. 176]; **Вошвы** шиты золотом [22, л. 307]; *отдать з(о)с(у)д(а)р(е)вы* жалованные **грамоты** [20, л. 3об.]; у дву св(я)тых **гривны** жемчужные [20, л. 39]; *Ѹобьюхъ* **гривы** нарозметъ [23, л. 6об.]; св(я)тые **жены** мироносицы [22, л. 302]; на башнях поставлены **избы** караѣльные [21, л. 4]; *отдать во Пскове на посаде и мел(ь)ницы* [20, л. 4]; *отдать вотчины* и во Пскове за городом **нивы** и огороды [20, л. 4об.]; *кѡнлено одиннатцать аршинъ сѡкна на попоны* лошадиные [23, л. 64об.]; по сторонам **рипиды** серебряны [21, л. 44об.]; *отлас серъбрян по нем* **травы** золотные [22, л. 133]; **трубы** серебряные резные [20, л. 178об.]; *здѣлал м(о)н(а)ст(ы)рьскѡю кожѡ на ѡзды* [23, л. 59об.]; *венцы* и **цаты** сканные [20, л. 29] и др.

¹² Словарь русского языка XI–XVII вв. (далее — СлРЯ XI–XVII) отмечает формы ж. р. *клеица* и мн. ч. *клеици*. Исходя из нашего контекста, лексема употреблена в значении ‘деревянная основа хомута, состоящая из двух половинок, стягиваемых ремнем’ [29, вып. 7, с. 169]. В исследуемых памятниках нет употребления в ед. ч. Мы рассматриваем эту лексему в группе *pluralia tantum*, опираясь на современное употребление [28, т. II, с. 117; 30, т. 1, с. 317; 31, вып. 14, с. 205].

Форма *клеици*, по мнению С. П. Обнорского, происходит от *клеица* (место ударения неясно), а это архаичная форма существительного ср. р. (ученый опирается на показания славянских языков). Поэтому «современный вариант формы *клеици*, соответствующий древнерусской форме слова, мог бы объясняться как новое образование, возникшее из исконной формы И. п.–В. п. двойств. числа данного слова» [11, с. 57].

¹³ Лексема *тарасы* употреблена в значении ‘быки, срубы, укрепленные сваями у берегов; береговые укрепления’ (Ср.: [28, т. IV, с. 391; 32, с. 226; 33, т. III, с. 925]). Род этой лексемы в наших памятниках определить невозможно, так как нет употреблений в единственном числе. В [33] фиксируется лексема м. р.; в [28] и [32] — ж. р. с пометой *твер.* и *pluralia tantum* с пометой *новгор.*

¹⁴ В исследуемых памятниках не отмечено форм существительных ж. р. в И. п. с флексией **-а**. В современных псковских говорах фиксируется подобное употребление: *дочеря, матеря, пустоша, площадь, ноца, цѣрквя, вешиа, печа, сетя, снастя* [13, с. 277]; *лошадя, степя* [18, с. 23].

У существительных *бирюски, ворворки, воцанки, вставки, вставочки, гривенки, деньги, дороги, жемчюжинки, завяски, закрепочки, застешки, звестки, камки, книги, колодочки, лавки, лапки, ловли, лошки, невелички, ноги, одиночки, подвески, подпруги, покупки, пронизочки, пряжки, пугови, решетки, серьги, сережки, сковородки, травки, телеги, цки, чарки, чепочки, шапки, щетки, шляпочки* флексия *-и* — результат замены [гы], [кы], [хы] на [г'и], [к'и], [х'и]:

бирюски обнизаны жемчюжкомъ [20, л. 15об.]; *ворворки* ошиваны [23, л. 95 об.]; в тѣх венцах *вставки* в гнѣздахъ [22, л. 18об.]; 8 Киприяна и 8 Петра венцы и *гривенки* мѣдєные солочены [21, л. 266об.]; *дороги* червчаты подложены крашениною [22, л. 138об.]; тѣ *камки* изошли на ризы [22, л. 292]; взяли 8 печерского архимарита Рафаила прежные переписные *кн(и)ги* [21, л. 1об.]; *садние ноги по щетки* бѣлы [21, л. 227]; *серешки одиночки* случные [20, л. 34]; *подвески* серебряные [20, л. 190]; здѣлал двѣ кожи на сыромять *на подпрѣги* [23, л. 64]; *прѣжки* серебряные [21, л. 122об.]; *чарки* в середине позолочены [23, л. 17]; тѣ *шапки* свєзены ко з(о)с(у) д(а)рю к Москвѣ [21, л. 12об.]; а *ворворки* и *шляпочки* низаны жемчюжкомъ [22, л. 99об.]; на *шапки цки* серебряные [20, л. 164] и др.

У лексемы *церкви* (основа на **ĭ*) и у лексем *выписи, двери, кисти, кости, крепости, лошади, мощи, патрахили*¹⁵, *печи, подписи, почести, прибыли, псалтыри, пустоши, рукояти, связи, скатерти, страсти, трости* (основа на **i*) флексия *-и* — старая флексия И. п. и В. п.:

починивал в поварни двѣри [23, л. 101]; *кости* [20, л. 30]; кошєвые *лошади* [21, л. 226]; *Патрахили* Патрахиль бол(ѣ)шаѣ шита золотомъ [22, л. 143об.]; *починивал в хлѣбни пѣчи* [23, л. 90об.]; *потписи* резные [20, л. 20об.]; поднесено *почести* дворцовых сель писиц 8 Льв 8 Мироновичю Вельяминов 8 [23, л. 55об.]; резные *рукояти* деревянные обложєны серебром [20, л. 17об.] и др.

У существительных склонения на **ā* мягкого варианта *башни, грабли, деревни, земли, кузни, ловли, понагеи, свечи; дробницы, житницы, мельницы, мироносицы, полицы, прокладницы, пугвицы, рукавицы* в древности в И. п. и В. п. было окончание *-ѣ* которое под влиянием, с одной стороны, твердого варианта, а с другой — склонения мужского рода заменилось на *-и*, а у существительных с основой, заканчивающейся на *ц*, после отвердения *ц* (отражается в памятниках со второй половины XV в.) стала писаться буква «ы»:

башни крыты тєсом [21, л. 4]; кѣплено пятеры *грабли* [23, л. 91]; перєсмотрѣли *i* переписали 8 образовѣ *кузни* и приклады [21, л. 2об.]; всѣ *понагѣи* на серебряной чепочки [20, л. 64об.]; перєсмотрели и переписали *свѣчи* поставные [22, л. 2об.];

дробницы серебряные обнизаны жемчюшком [20, л. 17об.]; на дворѣ же *житницы* с хлѣбом [20, л. 202]; *отдать во Пскове на посаде и мел(ѣ)ницы* [20, л. 4]; св(я)тые *жены*

¹⁵ В Переписных книгах 1652 и 1663 гг. употребляется лексема *патрахиль* и ж. р., и м. р.: *патрахиль* бол(ѣ)шая шита золотом [20, л. 156] — у того же *патрахиль* мѣстамъ жемчюгъ поосыпался [20, л. 156об.]; *двѣ патрахили* шиты крѣжки золотомъ и серебром 8 в одной *патрахили* девятнатцат(ѣ) пуговок [22, л. 144об.] — *патрахил(ѣ)* бархат таѣсинной золотной а *на немѣ* двєнатцат пуговокъ серебряных бол(ѣ)шихъ *ветха* гораздо [22, л. 145]. Причем, род смешивается в одной записи, когда описывается один предмет. Два рода у *патрахиль* приводит СлРЯ XI–XVII [29, вып. 14, с. 170]. У существительных м. р. на **i* уже в древнейших памятниках отмечены формы И. п. с окончанием *-и*, совпадающие с В. п.

мироносицы [22, л. 302]; *въсомъ ковшъ и чепочки и пѣвщицы два фѣнта три золотника* [23, л. 80]; *кѣплено во Пскове десятеры рѣкавицы телятинные* [23, л. 57].

3. Выводы

Таким образом, материалы псковских монастырских книг XVII в. показывают, что продолжается отмеченное в памятниках XVI в. противостояние в И. п. мн. ч. форм на *-а* от имен ср. р., с одной стороны, и форм на *-и/-ы* от имен м. р. и ж. р. — с другой. В формах И. п. мн. ч. существительных м. р. последовательно сохраняется флексия *-и/-ы*. У имен, которые в современном языке употребляются с окончанием *-а* (*года, жемчуга, края, пояса, шелка*), таких форм еще не наблюдается. У имен ж. р. зафиксированы формы только с *-и*, форм на *-а*, распространенных в современных псковских говорах, не обнаруживаем.

Литература

1. Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М.: ЛКИ, 2007. 512 с.
2. Булаховский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950.
3. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка: Этимология. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 288 с.
4. Демидова Г. И. Из истории форм именительного падежа множественного числа имен существительных в русском языке XII–XVII вв. // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 144. Л.: ЛГПИ, 1958. С. 145–166.
5. Демидова Г. И. О формах именительного падежа множественного числа имен существительных мужского рода с суффиксами *-ин, -анин, -янин* в восточнославянских языках // Теория и методика преподавания русского языка. Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 293. Л.: ЛГПИ, 1968. С. 129–148.
6. Дурново Н. Н. Очерк истории русского языка // Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 1–337. (Studia philologica.)
7. Иванова Т. А. Из истории именного склонения (к вопросу о происхождении именительного-винительного падежа множественного числа мужского рода на *-а* в русском языке) // Иванова Т. А. Избранные труды / под ред. С. А. Авериной. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 115–125.
8. Иорданиди С. И., Крысько В. Б. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. 1. Множественное число именного склонения. М.: Азбуковник, 2000. 310 с.
9. Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М.: ЛКИ, 2007. 309 с.
10. Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 400 с.
11. Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. II. Множественное число. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 418 с.
12. Марков В. М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М.: Наука, 1974. 144 с.
13. Говоры // Кадастр «Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области» / З. В. Жуковская, Л. Я. Костючук, Т. А. Пецкая. Псков: ПГПИ, 1997. С. 179–180; 274–278; 340–341; 453–454; 512; 586; 673.
14. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с. (Studia philologica.)
15. Ягич И. В. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889.
16. Соколова М. А. Очерки по исторической грамматике русского языка. Л.: ЛГУ, 1962. 312 с.
17. Каринский Н. М. Язык Пскова и его области в XV в. СПб., 1909.
18. Капорулина Л. В., Герд А. С. К истории именного склонения в языке древнего Пскова // Севернорусские говоры. Вып. 4. Л., 1984. С. 17–40.
19. Герд А. С. Лингвистическая типология древнеславянских текстов. СПб.: СПбГУ, 2008. 144 с.

20. Переписная книга Псково-Печерского монастыря 1652 г. // Государственный архив Псковской области. Ф. 499. Оп. 1. Д. 113.
21. Переписная книга Псково-Печерского монастыря 1639 г. // Там же. Д. 113.
22. Переписная книга Псково-Печерского монастыря 1663 г. // Там же. Д. 114.
23. Приходо-расходная книга Псково-Печерского монастыря 1674–1675 гг. // Там же. Д. 450.
24. Русская грамматика: научные труды / РАН. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. Т. II. М., 2005. 712 с.
25. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1987.
26. *Романенко С. Н.* О лексико-грамматических особенностях слов в грамматических исследованиях (на материале форм именительного падежа имени в псковских памятниках письменности XVII века) // Русское слово в историческом развитии (XIV–XIX века). Вып. 6 / отв. ред. С. С. Волков, О. С. Мжельская. СПб., 2012. С. 92–98.
27. *Черных П. Я.* Язык Уложения 1649 года. Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги. М., 1953. 375 с.
28. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2008.
29. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. М., 1975–2011.
30. Словарь русских говоров низовой Печоры. Т. I–II. СПб.: СПбГУ, 2003–2005.
31. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–24. Л.; СПб.: ЛГУ; СПбГУ, 1967–2013.
32. Опыт областного великорусского словаря и Дополнение к опыту областного великорусского словаря. Репринт. изд. СПб.: СПбГУ, 2008. 637 с.
33. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. СПб., 1893–1912. (Переизд. в 1989 г.)

Статья поступила в редакцию 12 августа 2014 г.

Контактная информация

Романенко Светлана Николаевна — старший преподаватель; pskovsveta69@rambler.ru
Romanenko Svetlana N. — Senior Lecturer; pskovsveta69@rambler.ru